

СВЯТАЯ ТЕРЕЗА БЕНЕДИКТА КРЕСТА - ЭДИТ ШТЕЙН

Эдит родилась в 1891 году в Бреслау, который тогда входил в состав Германии (ныне польский город Вроцлав). Она была одиннадцатой, младшей дочерью в еврейской семье. Когда ей было два года, ее отец умер, и главой многочисленной семьи стала мать - мудрая, мужественная и глубоко религиозная женщина, убежденная иудейка. Однако Эдит уже в детстве отличалась независимостью и необычайно живым умом. В возрасте около пятнадцати лет она оставила веру, в которой была воспитана, потому что не могла верить в существование Бога, и вся ее юность прошла в поисках истины, понимаемой как эволюция познания, и в борьбе за достоинство женщины. Она училась в университете, что было довольно редко для девушек того времени: в 1910 году она была единственной женщиной, учившейся на философском факультете городского университета. Затем она переехала в Геттинген, подлинно университетский город, и там познакомилась с философом, который оказал определяющее влияние на всю ее жизнь, - с Эдмундом Гуссерлем, основателем феноменологии. Его строгий и честный ум поразил Эдит, и под его руководством она блестяще защитила диплом о проблеме *Einführung*, "вчувствования". Гуссерль ценил Эдит столь высоко, что готовил ее к преподавательской деятельности в университете и, когда перевелся во Фрейбург, взял ее к себе ассистентом. Именно ей было поручено разобрать огромный архив учителя: сперва расшифровать его записи, а потом привести их в порядок, отметив, что следует пересмотреть или переработать. В одном из писем 1917 года Эдит пишет: "Последняя идея учителя такова: прежде всего я должна оставаться вместе с ним до тех пор, пока не выйду замуж; кроме того, я могу выйти замуж только за человека, который тоже станет его ассистентом, как и наши дети. Дальше некуда!". Заслугой Гуссерля - человека очень взыскательного и несколько деспотичного - было воспитание им своих учеников согласно его знаменитому принципу: "Zu den Sachen" ("К

вещам"): следует сообразовываться с вещами, с феноменами, в том виде, в котором они являются. И именно в силу этой научной добросовестности Эдит не может не обращать внимания на некоторые особые "феномены" и оставаться от них внутренне независимой.

Некоторые из них имеют общий характер: она пишет интересное исследование о древнегерманской молитве "Отче наш"; знакомится с новообращенным Максом Шелером, человеком беспорядочного ума, но обаятельным и необычайно одаренным; два года служит на фронте сестрой милосердия и сталкивается воочию с тайной страдания. Все это обращает ее внимание на феномен религии. Мы можем понять, в каком состоянии духа она тогда находилась, слушая ее собственный рассказ о впечатлении от посещения католической церкви, продиктованного чисто эстетическими соображениями, когда она с изумлением увидела, как простая женщина вошла помолиться с продуктовой сумкой в руке: "Мне это показалось странным. В синагоги и в протестантские церкви, куда я заходила, можно было входить только во время богослужения. То, что люди могут войти в церковь на минутку, как будто по привычке или для непринужденной беседы, так меня поразило, что забыть эту сцену я уже не смогла никогда". Два других случая имели более конкретный и определяющий характер. В Геттингене она познакомилась с молодым преподавателем, Адольфом Рейнахом, правой рукой Гуссерля, помогавшим ему в работе со студентами. Его доброта, утонченность, артистический вкус, которым был отмечен даже его дом, поразили ее. Эдит стала другом его семьи, но в 1917 году Адольф был убит на фронте во Фландрии. Его молодая вдова попросила Эдит помочь ей разобрать его философские работы, чтобы подготовить их к посмертной публикации. Эдит тяготила мысль о том, что ей придется вернуться в тот дом, который она помнила прекрасным и счастливым, и увидеть его погруженным в траур и в отчаяние. Но она нашла его проникнутым неизреченным миром и увидела, что облик подруги отмечен скорбью, но как бы преображен. От нее она услышала рассказ о крещении, которое оба супруга приняли несколько месяцев назад, когда они решили примкнуть к

протестантской Церкви, хотя их и влекло к католичеству, повинуюсь внутреннему голосу, призывавшему их торопиться: "Это не важно, не будем думать о будущем; если мы раз вступим в общение со Христом, то потом Он Сам поведет нас, куда хочет! Обратимся к Церкви, я не могу больше ждать!" (госпожа Рейнах впоследствии стала католичкой). Эдит слушала этот рассказ, проникнутый любовью, и видела, какой мир был в доме ее покойного друга. Она писала: "Это было моей первой встречей с Крестом, с той божественной силой, которую Крест дает несущим его. Впервые мне видимым образом явилась Церковь, рожденная благодаря Страстям Христовым и победившая смерть. В тот миг мое неверие пало, иудаизм поблек в моих глазах, тогда как в сердце моем восходил свет Христов. И поэтому, став кармелиткой, я добавила к своему имени слово "Крест"". Четыре года это "событие" или этот "феномен" вел свою работу в ее сознании, пока не получил окончательного осмысления и осознания в свете другого эпизода, имевшего решающее значение. Летом 1921 года Эдит долго гостила у своих друзей - мужа и жены, также обратившихся в протестантизм. Однажды вечером супруги ушли из дому, и она стала смотреть их книги. Вот ее рассказ о том, что произошло: "Не выбирая, я взяла первую книгу, попавшуюся мне под руку. Это был толстый том, озаглавленный Жизнь святой Терезы Авильской. Я начала читать его, и чтение так захватило меня, что я не отрывалась, пока не дочитала книгу до конца. Закрыв ее, я должна была признаться самой себе: это правда!". Она провела за чтением всю ночь, а утром пошла в город, купила катехизис и миссал, тщательно изучила их и через несколько дней отправилась на первую в своей жизни Литургию. Она пишет: "Не было ничего, что осталось бы мне непонятным. Я поняла даже малейшие детали обряда. В конце службы я прошла в ризницу и после краткой беседы со священником попросила его крестить меня. Он посмотрел на меня с изумлением и ответил, что для того, чтобы войти в лоно Церкви, необходима некоторая подготовка: "Как давно исповедуете вы вероучение католической Церкви? - спросил он. - И кто занимается вашим образованием?". Вместо ответа я была в состоянии только пробормотать: "Прошу вас, досточтимый отец,

проэкзаменуйте меня"". После долгой беседы священник признал, что нет ни одного положения вероучения, ей неизвестного. Крещение было назначено на Рождество 1922 года, и при крещении она добавила к своему имени имя "Тереза". Обращение Эдит привело к ее глубокому конфликту с матерью, которая не могла понять, почему ее дочь не вернулась к Богу отцов ее. Таинственным образом этот внутренний конфликт углубился и был преодолен, когда Эдит решила уйти в кармелитский монастырь в Кельне. К конфликту матери с дочерью мы еще вернемся. С точки зрения внутреннего самоощущения для Эдит Терезы Штейн призывание к крещению и призывание стать кармелиткой совпали с самого первого момента. Тем не менее ее духовник запретил ей сразу же вступить в затворнический монастырь, утверждая, что она должна исполнить свой неповторимый долг в мире. Первые десять лет после обращения Эдит провела в доминиканской школе, где она - "госпожа учительница" - воспитывала девочек, готовившихся к выпускным экзаменам в лицее, и преподавала им немецкий язык и литературу.

Она вела очень уединенный, почти монашеский образ жизни и изучала историю философской католической мысли (в особенности творения святого Фомы Аквинского), намереваясь сопоставить ее с феноменологией. Ее перевод и комментарий к трактату святого Фомы Аквинского "De Veritate" считался великолепным как благодаря прозрачной ясности перевода, столь хорошо передававшего стиль Отца Церкви, так и благодаря философской глубине примечаний. Тем временем она начинает разрабатывать свои собственные идеи и публиковать научные труды, хотя ее новая вера, бесспорно, не способствует ее университетской карьере. С 1928 по 1931 год она принимает участие во многочисленных конференциях, ее приглашают выступить в Кельне, Фрейбурге, Базеле, Вене, Зальцбурге, Праге, Париже. Наконец, в 1932 году она получила право свободного преподавания в Мюнстере, в Высшем германском научно-педагогическом институте. Ее студенты писали: "Среди всех преподавателей она была самой последовательной и бескомпромиссной защитницей католического мировоззрения... Ей не было равных по остроте ума, широте культуры,

совершенству формы изложения и внутренней убежденности". Не прошло и года с того времени, как она начала преподавать в Мюнстере, как Гитлер стал рейхсканцлером и запретил евреям занимать любые общественные должности. 25 февраля 1933 года Эдит провела свое последнее занятие. Это год Искупления, и начинают распространяться известия о том, что фашисты преследуют евреев. Уже ничто не удерживает ее в мире, и поэтому ей позволено уйти в кармелитский монастырь, где она принимает имя Тереза Бенедетта Креста. В затворничестве она живет смиренно, как и все остальные сестры, ничего не знающие ни о ее славе, ни о ее способностях, и доброжелательно судящие о ней только по тому, сколь непривычен ей ручной труд. Однако ее духовное начальство считает, что ее способности должны быть оценены по достоинству и предписывает ей продолжать, насколько это возможно при новом, монашеском и молитвенном образе жизни, свою научную деятельность. Она заново переписывает и перерабатывает свой основной философский труд объемом более чем в тысячу триста страниц. Она даже вносит исправления в корректуру, но потом издатель из страха отказывается от публикации. Ее труд называется "Конечное существо и вечное Существо". В 1938 году, когда фашизм уже свирепствует вовсю, ее хотят спасти, переведя в голландский монастырь в городе Эхте, куда она отправляется вместе со своей сестрой Розой, обратившейся под ее влиянием и также готовящейся принести монашеские обеты. В 1939 году началась вторая мировая война. Духовное начальство Эдит просит ее написать книгу о богословской мысли и духовном опыте св. Иоанна Креста, столетие со дня рождения которого должно было вскоре праздноваться. Она радостно повинуется и дает своему труду заглавие "Scientia Crucis" (Наука Креста). В 1942 году начинается массовая депортация евреев. Голландский епископат протестует - его уверяют в том, что никто не тронет евреев, обратившихся в католичество. Но для католических епископов этого недостаточно, и в коллективном письме, которое читается во всех церквях 26 июля, они официально осуждают депортацию всех евреев. В отместку 27 июля комиссар рейха отдает секретное распоряжение: "Поскольку католические

епископы вмешались в дела, их лично не затрагивающие, все еврей-католики должны быть депортированы в течение недели. Никакое вмешательство в их защиту не должно приниматься во внимание". Впоследствии, 2 августа, когда депортация уже началась, комиссар рейха публично заявляет: "В некоторых протестантских церквях тоже были прочитаны послания..., однако представители протестантских Церквей сообщили нам, что это не входило в их намерения, но что они по чисто техническим причинам не смогли повсюду воспрепятствовать чтению этих посланий. Если же католическое духовенство не хочет взять на себя труд вести переговоры с нами, мы, со своей стороны, вынуждены считать католиков еврейской крови своими злейшими врагами и, следовательно, как можно быстрее депортировать их на восток". Тогда еще многим было неизвестно, что депортация на самом деле означает геноцид. В тот же день броневик гестапо подъехал к воротам эхтского монастыря, чтобы забрать "монахиню-еврейку". Ей остается всего несколько минут времени. На столе ее лежит почти готовый труд "Scienua Crucis": она довела повествование до описания смерти св. Иоанна Креста. Последние слова Эдит, обращенные к ее сестре Розе, охваченной ужасом, которые слышат другие монахини: "Пойдем же за наш народ". От нее еще получают записку на имя настоятельницы монастыря, в которой она убеждает отказаться от попыток установить ее местонахождение и добиться ее освобождения. Вот эта записка: "...я бы в этой ситуации уже ничего не предпринимала. Я всем довольна. "Науку Креста" можно постичь только тогда, когда чувствуешь бремя креста во всей его полноте. Я была в этом убеждена с самого первого момента и от всего сердца сказала: "Ave crux, spes unica" (Радуйся, о Крест, единая надежда)".

Прежде чем закончить рассказ о ее жизни, необходимо погрузиться в размышление о тайне, которой была отмечена жизнь Эдит Штейн. Поражают совпадения, то есть переплетения и глубинная связь людей и событий, внешне как будто бы различных и отдаленных друг от друга: переплетения, благодаря которым мы чувствуем и догадываемся, что вся наша история подчиняется провиденциальному Промыслу Божьему. Обратимся прежде всего к

размышлению о тайне еврейского происхождения и христианского призвания Эдит Штейн: тайне, воплощенной во взаимоотношениях Эдит с ее матерью. Задумаемся над тем, что даже даты, а не только события, полны значения. Девочка родилась 12 октября 1891 года: по еврейскому календарю это день иом-кипур, великий праздник Искупления. "Моя мать, - писала Эдит, - придавала большое значение этому обстоятельству, и думаю, оно немало способствовало тому, что к своей младшей дочери она питала особую любовь". Ее мать умерла 14 сентября, в день, когда христиане празднуют праздник Крестовоздвижения - христианского Искупления - и день, когда кармелитки возобновляют перед Богом свои обеты. Эдит говорит: "Когда пришел мой черед возобновлять обеты, моя мать была со мной. Я ясно почувствовала ее близость". Через некоторое время пришла телеграмма, где сообщалось о смерти старой женщины, последовавшей в тот самый час, когда ее дочь возобновила свою жертву Богу. Кто-то легкомысленно распустил слух о том, что ее мать обратилась. Эдит решительно опровергла его: "Сведения об обращении моей матери лишены каких бы то ни было оснований. Не знаю, кто это придумал - моя мать сохранила свою веру до конца. Но поскольку ее вера и упование на Господа были неизменны с раннего детства вплоть до восьмидесяти семи лет и были последней искрой, жившей в ней во время ее агонии, я твердо уповаю, что Судия был очень благ к ней и что она стала моей усерднейшей заступницей, помогающей мне, в свой черед, достичь цели". Во взаимоотношениях матери и дочери вся страсть и страдание, которые объединяют и разделяют иудаизм и христианство, предстали подобно живой иконе. Все началось в тот день, когда дочь, зная, что разбивает матери сердце и что та не сможет понять ее, пришла к ней, встала перед ней на колени и прямо, нежно и мужественно сказала ей: "Мама, я приняла католичество".

Тогда впервые Эдит увидела слезы женщины, которая одна, воспитывая одиннадцать детей, вела тяжелую жизнь, исполненную трудов и любви. Однажды, в день Искупления, когда старая мать Эдит проводила целый день в синагоге без куска хлеба и глотка воды, дочь, чтобы сделать ей приятное, пошла

туда вместе с ней. Мать сказала: "Я никогда не видела, чтобы кто-нибудь молился так, как Эдит. И самое удивительное - это то, что она по своей книге может следить за нашими молитвами". А когда раввин торжественно провозгласил: "Слушай, Израиль, Бог твой един есть", мать, судорожно сжав руку дочери, сказала ей: "Ты слышала? Бог твой един!". Разрыв стал еще более драматичным в другой день, во время праздника Искупления 12 октября 1933 года, последний день, который Эдит провела дома. Вернувшись из синагоги вечером, мать, хотя она была уже довольно пожилой, захотела пойти прогуляться пешком с дочерью. Чтобы успокоить ее, Эдит сказала, что первый срок монастырской жизни будет только испытательным. Мать скорбно сказала ей в ответ: "Если это испытание, то я уверена, что ты его выдержишь...". Потом она спросила дочь: "Разве тебе не понравилась проповедь раввина?". "Да, понравилась". "Не кажется ли тебе, что можно верить в Бога, оставаясь иудейкой?". "Можно, если не знаешь ничего другого". "А ты, - в отчаянии сказала мать, - почему ты познала другое? Я ничего не хочу сказать против Него, Он, бесспорно, был очень хорошим человеком. Но почему Он захотел стать Богом?". "Вечером, - рассказывает Эдит, - мы с моей матерью остались в комнате наедине. Она закрыла лицо руками и заплакала. Я стала перед ней и прижала к своей груди ее седую голову. Так я стояла долго, пока мне не удалось уговорить ее идти спать. Я провела ее в спальню и помогла ей раздеться - впервые в жизни. Потом я молча сидела у ее постели до тех пор, пока она сама не уснула меня спать". На следующий день душераздирающая сцена повторилась. Эдит пришлось бежать. Мать никогда не писала ей писем, несколько раз она только ходила украдкой смотреть на кармелитский монастырь, где жила Эдит, и в последние годы в письмах сестер Эдит передавала привет настоятельнице ее монастыря. Эдит писала ей каждую пятницу, вплоть до дня, смерти матери в тот час, когда Эдит возобновляла свои обеты. Совпадения. 1933 год: год, когда началось демоническое восхождение третьего рейха, был также святым годом Искупления, когда исполнилось тысяча девятьсот лет со времени смерти Христа, и это был год, когда Эдит решила стать кармелиткой. Послушаем ее

собственный рассказ: "Был канун первой пятницы апреля месяца, и в тот святой год праздник Страстей Господа нашего Иисуса Христа отмечался с особой торжественностью. В 8 вечера мы собрались на молитвенное бдение в капелле... Проповедник говорил очень хорошо..., но мой дух был погружен в нечто более сокровенное, чем его слова. Я обратилась к Искупителю и сказала Ему, что хорошо понимаю, что Его Крест ложится в этот час на плечи еврейского народа. Бблыпая часть его не могла этого понять, но те, кому дана была благодать это уразуметь, должны были принять этот крест добровольно от имени всех. Я чувствовала, что готова сделать это, и только просила у Господа, чтобы Он указал мне, как я должна поступить. По окончании бдения я была глубоко убеждена, что моя молитва исполнена, хотя еще не знала, в чем будет состоять тот крест, который ляжет на мои плечи". Согласно свидетельству самой Эдит, она поступила в монастырь в уверенности, что в Кармеле Бог готовит ей нечто такое, что она может найти только там. Когда она решила туда поступить, некоторые из ее родных обвинили ее в том, что она ищет себе убежища как раз в тот момент, когда народ ее подвергается преследованиям. Одна из подруг Эдит повторила ей это, как бы для того, чтобы ободрить ее, через несколько дней после принесения обетов. Уже тогда Эдит ответила: "О, нет! я не верю в это! Конечно же, они и здесь меня найдут, и, во всяком случае, я совершенно не рассчитываю на то, что они оставят меня в покое". Когда эсэсовцы увезли ее, сестры, разбирая ее бумаги, нашли маленькую икону, на которой она написала, что приносит в дар свою жизнь ради обращения евреев. И уже в Великое воскресенье 1939 года она попросила у своей настоятельницы позволения принести себя в жертву искупления Сердцу Иисуса ради подлинного мира: "Я желаю этого, потому что уже час двенадцатый... я знаю, что я - ничто, но этого хочет Иисус, и настанет день, когда Он призовет и многих других". Еще раньше, в 1938 году, в одном из писем она писала: "Я уверена..., что Господь принял мою жизнь ради всех. Я думаю о царице Эсфири, избранной из своего народа, чтобы заступиться за него перед царем. Я - маленькая Эсфирь, бедная и немощная, но избравший меня Царь бесконечно велик и милосерден. И это большое

утешение". И, наконец, последние совпадения.

Святым Церкви, который более, чем кто-либо другой, говорил о необходимости Креста, был великий мистик и преобразователь Кармеля. О нем Эдит написала свой последний труд - "Scientia Crucis", ее труд был прерван на том месте, где она рассказывает о смерти святого, потому что она должна уже не писать, но на своем опыте познать ту "науку креста", о которой писала. Родившись в 1891 году, в трехсотлетнюю годовщину смерти св. Иоанна Креста (1591), она умерла в 1942 году, в год четырехсотлетней годовщины рождения святого (1542). И, наконец, последнее таинственное совпадение. В те страшные годы большая часть христиан утратила свою веру и стала исповедовать новую, страшную веру - веру в арийскую кровь. Один из официальных идеологов фашизма писал: "Сегодня рождается новая вера: миф о крови, вера, что вместе с кровью сохраняется божественная сущность человека, вера, основанная на незыблемой истине: нордическая кровь представляет собой тайну, которая сменила древние таинства и лишила их силы". В единственном официальном идеологическом партийном журнале Розенберг писал: "Среди сильных идеологических противников, которые упорно противостоят всем белым народам, связанным общностью нордической крови... - Римская Церковь...". В личности Эдит выражена та подлинная богословская трагедия, которую мы еще не осмыслили до конца: она, еврейка, была убита потому, что в ее жилах не текла "нордическая кровь", была убита бывшими христианами, которые выдумали новую языческую религию, и была убита потому, что была христианкой, в отместку тем епископам, которые осудили это язычество. И Эдит парадоксальным образом полностью принадлежала одновременно и христианскому народу и народу еврейскому. Более того, она - свидетель того, сколь глубоко христианский народ привился к еврейскому, и сколь языческим становится христианский народ, когда он ополчается против своего священного прошлого. В конце 1939 года Эдит писала: "Я получила то имя, которое попросила. Под крестом я поняла, какая судьба намечалась для народа Божьего в те времена... Конечно, сегодня я лучше знаю, что значит быть с Господом под знаменем креста. Понять это до

конца невозможно; это тайна". В тайне Эдит Штейн есть и другой личностный аспект, связанный с ее профессиональным призванием в сфере культуры. И здесь нет недостатка в знаменательных совпадениях.

В течение долгого времени, пока она была неверующей, как она говорила, единственной молитвой была жажда истины. Эта жажда привела ее в университетский город Геттинген, который считался "раем для студентов, где днем и ночью, за столом или на прогулке, все занимаются только философией, говоря при этом, разумеется, только о феноменологии". Воплощением ее идеала стал Эдмунд Гуссерль - "непревзойденнейший философ и учитель" того времени, учивший познавать объективную природу вещей. Увлеченность Эдит феноменологией была столь велика, что еще до ее отъезда в университет ее товарищи в шутку называли ее "познающей объективное" и посвятили ей песню, где говорилось, что все девушки мечтают только о поцелуях (по-немецки Kusseri), и только Эдит "мечтает лично встретиться с Гуссерлем". "Мне был 21 год, и я была полна надежд. Психология разочаровала меня; я пришла к выводу, что эта наука находится во младенчестве и лишена объективных оснований. Но все, что я знала о феноменологии, заворожило меня, в особенности меня привлек ее объективный метод исследования". Затем она объясняет: "Все молодые ученые, занимавшиеся феноменологией, прежде всего были осознанными реалистами... Нам казалось, что Логические исследования - это новая схоластика... и познание предстало нам обновленным". Здесь мы не можем заниматься философией. Но все мы можем по крайней мере понять, что было поставлено на карту. После долгого периода господства субъективизма (согласно которому истина зависит от сознания и точки зрения субъекта) возобладало объективное представление об истине: "Истина - это абсолют..., она не зависит от мыслящего субъекта... . Нужно исходить из опыта и описать его, прежде чем его объяснять...", - говорил Гуссерль. Он настаивал: "Нужно обратиться к вещам и спросить у них, о чем говорят они сами, обретая, таким образом, уверенность в том, что не вытекает из теорий, построенных априори, из непроверенных мнений, полученных из вторых рук". Мы знаем, что Эдит

следовала этому наставлению и в своей религиозной жизни и что потом, после обращения, она пыталась сравнить и найти точки соприкосновения непреходящей церковной философии, воплощенной в учении св. Фомы Аквинского, с учением Гуссерля. Он сам признал, что в ее лице католическая Церковь обрела "первоклассную защитницу неосхоластических взглядов". Но больше всего нас интересует общность судеб между учителем и его ученицей, ставшей ученицей Христовой. Она говорила Гуссерлю о своем обращении, и тот выслушал ее очень сочувственно, но она поняла, что отныне между ней и философом пролегла пропасть. Гуссерль, еврей по национальности, был воспитан в традициях протестантизма, но не был верующим.

Эдит писала об этой встрече; "Между бытием орудия, пусть даже избраннейшего, и обладанием благодатью - пропасть". Пропасть открывалась прежде всего тогда, когда им случалось говорить о "конечных проблемах бытия". Идеал Гуссерля оставался философским идеалом, а его основным делом было довести до конца свои исследования. Даже к смерти он относился и готовился более как последователь Сократа, нежели как христианин. В одном из своих писем Эдит пишет: "На следующий день после принесения торжественных обетов я получила записку от госпожи Гуссерль, где она сообщала мне о том, что произошло вечером в Страстной четверг. События этой недели показались мне настоящим подарком по случаю принесения обетов. Я очень хотела, чтобы Гуссерль перешел в вечную жизнь на этой неделе, в силу того же совпадения, благодаря которому моя мама скончалась в тот час, когда мы возобновляли обеты. Не то чтобы я особо верила в силу моих молитв или особо уповала на свои "заслуги". Однако я убеждена, что Бог никого не призывает самого по себе и что, когда ему угодно принять в жертву чью-нибудь душу. Он посылает изобильные знамения Своей любви" (15.5.1938). Агония Гуссерля продолжалась со Страстного четверга, 14 апреля 1938 года, до 27 апреля. В то же время Эдит готовилась принести окончательные обеты, которые и принесла 21 апреля. Все это происходило на Страстной неделе и на неделе после Пасхи. Существуют интересные свидетельства о смерти Гуссерля, показывающие, как мало-помалу

интерес его к философии угасал, и он обращался к вере, как ребенок. Здесь нет возможности привести этот длинный документ. Прочитируем лишь некоторые отрывки из него. 14 апреля, в Страстной четверг, во второй половине дня: "Я жил как философ, я хочу и умереть как философ...". Позже, беседуя с монахиней-сестрой милосердия: "Можно ли умереть достойно?". "Можно умереть и достойно и умиротворенно". "Но как этого достичь?". "Благодатью Иисуса Христа, Спасителя нашего". ... "Молитесь за меня". В Страстной четверг, около 9 часов вечера (это и есть то событие, о котором жена Гуссерля писала Эдит): "Бог принял меня в благодать Свою, Он разрешил мне умереть...", С того момента он уже не говорил о своих философских трудах и, казалось, получил облегчение. В Страстную пятницу утром он сказал: "Какой прекрасный день - Страстная пятница! Христос все простил нам". "Бог благ!". "Да, Он благ и в то же время непостижим, и для меня это большое испытание". Он говорил, что видит свет и тьму, а потом снова свет. Он оставался в состоянии комы до 27 апреля. В тот день, обратившись к сиделке, он закричал: "Я видел нечто поразительное: пишите, скорее!" и скончался. Эдит смиренно, но твердо свидетельствовала о том, что ее духовный опыт и духовный опыт ее учителя глубоко слились (госпожа Гуссерль впоследствии тоже стала католичкой). Можно было бы сказать еще много о другом аспекте личности Эдит Штейн: об ее интересе к проблеме равноправия женщины, о защите ею католического феминизма в его умеренной форме. Этой теме посвящен целый том ее эссе (V том собрания сочинений). Эдит посвятила прекрасные страницы доказательству равного достоинства мужчины и женщины, сохранив, однако, глубинную суть традиционного христианского учения, согласно которому женщина обязана мужчине "послушанием". Именно ею были сказаны прекрасные слова, которые необходимо глубоко осмыслить и прокомментировать: "Я чувствую, что чем больше я повинуюсь, тем свободней моя душа". Только благодаря непосредственному знакомству с ее трудами можно понять, что эти слова не могут и не должны быть объектом спекуляции, но обладают, напротив, глубокой внутренней силой, опрокидывающей косные привычные представления.

Обратимся, наконец, к рассказу о ее мученической кончине. Не случайно немногие сведения о ней, дошедшие до нас из концлагеря Вестерборк, где она находилась, прежде чем окончить свой крестный путь, рисуют нам облик женщины, "выделявшейся своим спокойствием и умиротворенностью. Вопли, жалобы, лихорадочное возбужденней ужас вновь прибывших были неописуемы. Сестра Бенедетта проходила среди толпы женщин, как ангел-хранитель, успокаивая одних, помогая другим. Многие матери, казалось, впали в состояние прострации, граничащее с безумием, - они кричали, как умалишенные, забыв о детях. Сестра Бенедетта занялась маленькими детьми, мыла их, причесывала, добывала им пищу и оказывала необходимую помощь. На протяжении всего времени, пока она оставалась в лагере, она оказывала окружающим помощь, исполненную такого милосердия, что одно воспоминание об этом глубоко трогает меня".

Это свидетельство одного еврея-торговца из Кельна, встретившего ее в лагере и избегнувшего гибели. "Что с вами теперь будет?" - спросил торговец эту милосердную монахиню. В ответ он услышал: "До сих пор я могла молиться и работать, надеюсь, что смогу молиться и работать и дальше". Между 8 и 11 августа 1942 года Эдит Штейн, Тереза Бенедетта Креста, соединила свою жертву с жертвой Христа в газовой камере Освенцима.

Сикари, Антонио. Портреты Святых. Том I.

<http://www.catholic.uz>